

Чернова, М.С. Баллады Адама Мицкевича и «идея народности» И.Г. Гердера / М.С. Чернова // Белорусская и русская литературы: типология взаимосвязей и национальной идентификации: материалы Международной научной конференции / Институт языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси – Минск : Право и экономика, 2012. С.372-376.

Чернова М.С. (Могилев)

БАЛЛАДЫ АДАМА МИЦКЕВИЧА И «ИДЕЯ НАРОДНОСТИ» И.Г. ГЕРДЕРА

В первые десятилетия XIX в., которые принято называть «эпохой романтизма», все народы Европы переживали небывалый до той поры подъем личностного и национального самосознания. Особую актуальность в этой связи приобрели проблемы народно-этнической самобытности, которые обсуждались в критике и филологической науке и находили отражение в литературе. В Польше, утратившей в результате разделов ее территории свою независимость, интерес патриотически настроенных и мыслящих людей своего времени к народной культуре: сказкам, легендам, сказаниям, фольклорным образам и языческим обрядам – оказывался не только благодатной почвой для создания оригинальных художественных произведений, но и являлся средством национального самопознания.

Ярким примером взаимодействия с народной поэзией является балладное творчество Адама Мицкевича. Он ранее других обнаружил в языке и мифологии зарождение и развитие тех начал, которые определяют народное мировоззрение и, как точно заметил М. К. Азадовский, «нравственное бытие народа» [1].

Как известно, Мицкевич происходил из среды мелкой, так называемой, «застенковой шляхты», поэтому он знал, чем и как живут простые крестьяне. Однако Мицкевич ввел в свои произведения народный элемент далеко не сразу. В тоже время его обращение к жанру баллады было обусловлено процессами, происходившими в европейской и русской литературе 1820-х гг.

Следует уточнить, что в Европе стимулом для создания литературных баллад послужили публикации «Памятников старинной английской поэзии» (1765) епископа Т. Перси и «Песни шотландской границы» (1802-1803) В. Скотта, включавшие, помимо текстов, введение и комментариев, посвященные описанию быта народа Шотландии и истории происхождения баллады. Но особую роль сыграли собрание народных песен и теоретические работы Гердера.

Концепция народности, созданная Гердером, имела определяющее значение в обновлении всей мировой литературы начала XIX в. Издав сборник «Голоса народов в песнях» (1807), куда, наряду с народными

произведениями, включались и авторские стихотворения, Гердер показал общность природы народной поэзии и «высокого искусства». Развивая суждения Дж. Вико о том, что «поэтически возвышенное... всегда едино с народным», И. Г. Гамана о непосредственности и силе устной народной поэзии, Ж. Ж. Руссо, сокрушавшегося по поводу отрыва современного искусства от народа, Гердер вывел ценностный критерий литературы – степень проявления в ней «народного духа». «Он первый вполне ясно и систематически стал смотреть на всю литературу как на проявление живых национальных сил, как на отражение национальной цивилизации во всем ее целом», - писал В.И. Гете [3, с.313].

В «Идеях к философии истории человечества», труде принесшим автору мировую известность, Гердер конкретизировал понятие «национальный характер», обусловив его особенности географическим положением страны, ее климатом, государственным устройством, а также религией, традициями, этикой, языком той или иной нации. При этом он добавлял, что каждый народ имеет свою историю, свою культуру, свою историческую судьбу. Немецкий философ сформулировал задачу, которую считал для своего времени всеобщей: изучение народного творчества и создание на его основе самобытной литературы. Интерес к фольклору он пробуждал не только у своих соотечественников, но и у английских, американских, русских, белорусских, польских поэтов.

Привлекая внимание к неповторимым чертам различных народов мира «в их естественном состоянии и среде обитания», идеи Гердера послужили основой концепции национальной самобытности, с помощью которой представители каждой нации определяли свои характерные особенности. Неповторимые черты этноса стали искать в истории, фольклоре и языке, а интерес к народным обычаям, традициям, сказаниям, легендам, балладам и песням в романтическую эпоху начала XIX в. приобрел поистине небывалые масштабы.

Труды Гердера были известны Мицкевичу. Будучи студентом историко-филологического факультета Виленского университета (1815-1819), который был центром научной и культурной жизни на литовско-белорусских землях, Мицкевич внимательно изучал концепции Руссо и Гердера. Их идеи вдохновили его на организацию культурно-просветительского и патриотического студенческого кружка «филоматов», а затем «филоретов». Их членов: Т. Зана, Я. Чечота, И. Домейко и др. - объединяла увлеченность поэзией и фольклором, в котором они видели источник обновления и демократизации литературы.

В фольклоре последователи Гердера видели отражение картины мира, системы ценностей и идеалов, истории и философии, нравов и обычаев определенной нации, а также ее различных социальных слоев. «Песни - это архив народов, - писал Гердер, - сокровищница их науки и религии, их теогонии и космогонии, деяний отцов и событий их истории, отпечаток их сердца, картина их домашней жизни в их радости и горе, на брачном ложе и на смертном одре. В ней (песне – М.Ч.) они воплощают себя, выступают

такими, какие они есть. Воинственный народ воспеваает подвиги, нежный воспеваает любовь. Сметливый народ слагает загадки, народ, обладающий воображением, - аллегории, притчи, живые картины» [2, с.68]. Песни, о которых идет речь, - это баллады, сочетающие в себе четыре элемента: лирический, мифологический, драматический и эпический.

Именно балладой откликнулся молодой Мицкевич на призыв Гердера «воспеть предметы нашего времени так же естественно, с такой же благородной краткостью, силой, движением» [2, с.86]. Однако, следует подчеркнуть, что в деле создания литературной баллады у Мицкевича был непосредственный предшественник в лице русского поэта В.А. Жуковского. «Бегство», например, имеет явное сюжетное сходство с балладами «Людмила» и «Светлана». О том, что Мицкевич читал и восхищался этими произведениями, свидетельствовал его товарищ по Виленскому университету Чернавский.

В «Бегстве» повествуется о том, как жених уехал на войну и пропал без вести. Тоскующую невесту выдают замуж. На помощь к ней является старуха-чародейка, которая склонила девушку воспользоваться силою чар для возвращения жениха. Он явился и увез невесту с собой. Как вихрь, несется конь, однако иногда останавливается, словно бы испугавшись какого-либо препятствия. Этим препятствием оказывается молитвенник, который везет с собой невеста. По настоянию жениха девица бросает один за другим все священные предметы, и даже нательный крестик. Наконец жених с невестой достигают кладбища. Запели петухи. Жених, оказавшийся мертвецом, скрылся в могиле, куда увлек и свою невесту.

Подобные события происходят, как известно, и в балладе Жуковского «Людмила». Безусловно, помимо баллад Жуковского, уместно было бы отметить опосредованное влияние баллады Бюргера «Ленора».

Однако сам автор «Бегства» указывал на фольклорно-песенный польско-литовский источник. Мицкевич очень близко передает и содержание, и форму, и стилистику народной польской песни. Папоротник, царь-зелье, которым приписывается сила чар, таинственный счет: десять скал, девять рек, девять гор - все это взято из фольклора. Национально-фольклорный элемент в сюжетно-художественной структуре «Бегства» приобретает более значительную роль, нежели в балладах Жуковского.

В «Лилии» Мицкевич объединяет уже несколько народных сюжетов. Главные из них – убийство мужа женой из-за страха наказания за супружескую неверность, историческая легенда о Болеславе Смелом и его походе на Русь Червоную, споры братьев о том, кого невеста предпочтет, легенда об уходе церкви под землю. Интересно отметить, что цветы, вырастающие на могиле и обличающие преступницу, те же цветы, что и в сербской народной песне «Сестра и братья», переведенной А.С. Пушкиным в его «Песнях западных славян».

Это намеренное объединение нескольких фольклорных сюжетов помогало Мицкевичу выразить «мнение народное», которое, по его словам, «просто, но глубоко». Не случайно он привнес в свое произведение новый

таинственный элемент, заимствованный из другого народного сюжета: ушедшая под землю церковь как нравственное осуждение преступления.

В балладе «Рыбка» Мицкевич также использует несколько фольклорных мотивов. Первый из них - рассказ о неверном любовнике. Второй - это предание о русалке-утопленнице, которая каждый день кормила грудью своего ребенка. Присоединением к первому мотиву второго автор, безусловно, усилил драматизм действия и внес социальный смысл в сказочно-мистический сюжет, что, однако, не вступает в противоречие с фольклорными сказаниями. Позже углубление этого приема обнаружится и во второй части драмы «Деды» («Поминки»). Колдун-знахарь, призывающий души умерших и наделяющий их пищей, откажет в угощении помещику, при жизни жестоко обращавшегося со своими крестьянами.

Баллада «Свитязь» является художественной обработкой топонимической легенды. «Выслушавши однажды, - вспоминал Мицкевич, - весьма интересную сказку со слов рыбака, Мария Верещак (возлюбленная поэта –М.Ч.) сказала, обращаясь ко мне: «Вот поэзия, напиши что-нибудь в этом роде». Эти слова глубоко запали в мою душу и в них я почерпнул мое поэтическое направление». Но в созданном им произведении обнаруживаются не только сказочные, но и агиографические и апокрифические мотивы.

Из недр таинственного озера Свитязь слышался постоянный шум, виднелся огонь, раздавалось бряцание оружия. Хозяин имения, в котором находилось озеро, пожелал раскрыть тайну. По его приказу приготовили огромный невод и после богослужения опустили в воду. Невод вытащил красивую женщину, и она рассказала повесть о происхождении озера, напоминающую «Сказание о невидимом граде Китеже».

Царь русский пошел войною на литовского короля Мендога; последний обратился за помощью к князю Тугану, замок которого находился на том месте, где теперь озеро. Туган неохотно отправляется в поход, повинувшись желанию своей дочери, которая берет на себя защиту замка в отсутствие отца. Русские войска после отъезда Тугана напали на Свитязь. Защищаться не было никакой возможности. Находившиеся в замке женщины решают покончить жизнь самоубийством, чтобы не достаться врагам. Тогда дочь князя попросила защиты у Богоматери, и замок исчез под землю вместе с женщинами, которые были превращены в цветы, растущие на берегу образовавшегося озера. А русских воинов, осмелившихся сорвать эти цветы, постигла смерть. Отсюда и название цветов – сагу (цари).

Следует отметить, что и у поляков, и у русских существует множество легенд, в которых рассказывается о том, как Мать Божья помогала защитникам городов и крепостей, осажденных врагами. Мицкевич эти «покровские» легенды связал с этимологическим преданием о цветах и народным поверьем о русалке.

В этой балладе мы встречаемся с мозаикой сюжетов, заимствованных непосредственно у народа, и с точным, местами буквальным повторением фольклорных стихов и выражений. Однако в этом, на первый взгляд,

произвольным нагромождением всяких чудес и небылиц, в объединении различных фольклорных сюжетов просматривается строгий план и обдуманность. Поэтому справедливое, по сути, утверждение о влиянии Жуковского на молодого Мицкевича требует уточнения. В то время как Жуковский черпал материал для своих произведений из западных источников, Мицкевич, заимствовав у него форму, наполнял ее иным содержанием. Его балладное творчество было подчинено поиску «своей народности» и соответствовало критериям литературы, сформулированным Гердером и его последователями. В этом смысле произведения Мицкевича вписываются в общеевропейский культурный контекст первой половины XIX в.

«Что же такое народные сказания? – задавал Мицкевич вопрос. – Пепел, в котором тлеет едва только искра правды; иероглиф, украшающий поросшие мхом камни; надпись, значение которой исчезло; отголосок славы, раздающейся через океаны лет, отголосок, разбитый о выдумки, сломанный о лживые предания, достойный только смеха ученых? Но прежде чем я засмеюсь, пусть скажет ученый, что такое наши сказания». И сам же отвечал: народ заключил в них «пряжу своих мыслей и цветы своих чувств».

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский, М. К. Статьи о литературе и фольклоре / М. К. Азадовский – М. – Л. : Худож. лит., 1960. – 548 с.
2. Гердер, И. Г. О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем / Гердер И. Г. // Избранные сочинения. – М. – Л. : ГИХЛ, 1959. – С.5-196.
3. Гете, И.В. Поэзия и правда. Из моей жизни / И.В. Гете – М.: Захаров, 2003. – 736 с.